

Зиборов В. К.

Игумен Сильвестр и поп Василий — одно лицо

В статье речь пойдет о двух авторах. В монографиях и справочниках каждому из них посвящены отдельные разделы или статьи.

Игумен Сильвестр и поп Василий — известнейшие авторы раннего периода нашей русской письменности, точнее конца XI — начала XII в. Творчество обоих дошло до нас только в составе летописей, прежде всего Лаврентьевской (далее — ЛЛ) и Ипатьевской (далее — ИЛ). Оба жили и творили примерно в одно время. Игумен Сильвестр известен своей знаменитой припиской, находящейся в ЛЛ после известий 6618 (1110) г.: «Игумень Силивестръ свягата Михаила написах книги си Летописецъ, надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне игуменящю оу свягата Михаила въ 6624, индикта 9 лета; а иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ»¹. Эта приписка, а также анализ летописного текста, позволил А. А. Шахматову обосновать положение о том, что игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр является автором второй редакции ПВЛ, редакции 1116 г.

Василий как автор известен нам своим описанием межкняжеской борьбы, помещенной в летописи под 6605 (1097) г., где подробно рассказывается об обстоятельствах ослепления князя Василька. Все исследователи высоко оценивают литературное мастерство Василия, а М. Д. Присёлков рассматривает его творчество на фоне западноевропейской средневековой литературы: «...этот автор по своему художественному таланту среди своих современников — русских писателей XI в. — занимает, конечно, самое первое место. Все, кто читал его описание ослепления Василька, должны согласиться, что по реализму, идеальной простоте изложения, по захватывающему драматизму всего рассказа в целом наш автор не имеет соперников среди современных ему писателей не только русских, но и европейских. Описание ослепления Василька можно смело назвать памятником мировой литературы XII в.»².

Имя автора летописного рассказа 6605 (1097) г. указано в самом летописном тексте, где он неоднократно упоминает себя в связи с переговорами князя Давыда и князя Василька. Князь Давыд, посылая его для переговоров ко князю Васильку, говорит ему: «Да се, Василию, шлю тя, иди к Василкови тезу своему...»³. Автор летописной статьи пускай косвенно, но указывает своё имя. То, что он тезка князю Васильку ИЛ опускает, а вместо глагола «иди» ставит «еди», т.е. поезжай⁴.

¹ ПСРЛ. Т. 1 / Лаврентьевская летопись. Вып. 1. ПВЛ. Изд. 2. Л., 1926. Стб. 286. — При цитировании слова под титлами раскрываются, буква ять заменена буквой «е», «и» десятиричное буквой «и».

² Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 287.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 265.

⁴ ПСРЛ. Т. 2 / Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 239.

Итак, игумен Сильвестр и Василий сообщают свои имена в летописном тексте. Ещё до обзора историографии, до начала анализа текстов мы сталкиваемся с фактом, объединяющим эти два имени. Имеется в виду общее для всей древнерусской литературы положение, и для летописей в том числе, — анонимность произведений. Все предшественники Сильвестра–Василия, а их было не менее трех авторов, а также все последующие летописцы XII в. никогда не сообщают своего имени. Их имена мы узнаем или из других произведений древнерусской литературы, или путем анализа летописных текстов. Даже в тех случаях, когда летописцы ведут свой рассказ от первого лица (т.е. не скрывают участия в создании летописи), а такие случаи встречаются, они не упоминают своего имени. Единственное исключение из общепринятой традиции анонимности представлено именами двух авторов — игумена Сильвестра и Василия.

Впервые на Василия обратил внимание Н. М. Карамзин, в своей «Истории государства Российского» он назвал его монахом или священником, а его деятельность связывал с Волынской землей⁵.

Одним из первых проанализировал летописный рассказ 6605 (1097) г. И. П. Хрущов, назвав Василия автором «Сказания о Васильке Ростиславиче». Работу по созданию этого сказания он датировал 1112–1117 гг. Он также обратил внимание на близость Василия к княжеской ветви Всеволода и Владимира Мономаха и к Выдубицкому монастырю, который был монастырем этой княжеской ветви⁶.

А. А. Шахматов неоднократно в своих исследованиях характеризовал как личность Василия, так и его творчество. В одной из своих статей он определил время работы Василия периодом с 1113 г. по 1116 г., т.е. после создания ПВЛ и до начала работы Сильвестра⁷. Он также отметил характерную манеру повествования Василия, вносящую в рассказ хронологическую неопределенность («яко приближася постъ великий», «посемъ же, приходящу Велику дни»). В другой работе А. А. Шахматов обосновал положение о том, что Василий был священником и духовником князя Василька⁸. Называл Василия попом и Д. С. Лихачев, находя аргументацию А. А. Шахматова основательной⁹. Б. А. Рыбаков считал Василия светским лицом¹⁰.

В свете заявленной темы «Сильвестр и Василий — одно лицо», считаю необходимым привести обширную цитату из работы А. А. Шахматова:

«Вероятным представляется, что Сильвестр вставил кое-что и от себя в статью 6605 г. Василий рассказал подробно о том, как был схвачен Василько Ро-

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 24.

⁶ Хрущов И. П. Сказание о Васильке Ростиславиче // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 1. Киев, 1879. С. 58–61.

⁷ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова Летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003. С. 403.

⁸ Шахматов А. А. Повесть временных лет // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. С. 548.

⁹ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.;Л., 1947. С. 115 и сл.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 275–279.

стиславич, как затем ослеплен и отвезен во Владимир; ему же принадлежит рассказ о походе Давыда на Володаря (889, 4 и сл.), об освобождении Василька и о походе обоих Ростиславичей весной 1098 г. против Давыда (890, 1 и сл.) и т.д. Но события, происходившие в это время в Киеве и Поднепровье, оставались, конечно, вне поля зрения Василия Попина. Поэтому считаю вероятным, что отрывок, начинающийся словами: “Володимеръ же, слышавъ, яко ять бысть Василько и слеплень, ужасеся” (883, 18) и оканчивающийся словами: “Святопѣлкъ же, имесе по се, и целоваша крѣсть межю собою, миръ сътворише” (886, 18–19), принадлежит перу игумена Сильвестра. Отрывок этот разбивает последовательность рассказа Василиева: “И посадиша и въ дворе Вакееве, и приставиша 30 мужъ стрещи и 2 отрока кнѣзя, Уланъ и Кѣльчѣко”, — читаем мы (883,14–17), “Василькови же сущю Володимери на прежереченемъ месте, и яко приближися постъ великый”, — читаем мы как продолжение (886, 20). Обращаясь к отрывку, автором которого мы признали Сильвестра, видим в нем красноречивый панегирик Мономаху и выяснение его отношения к совершившемуся злодеянию; прямую похвалу Мономаху читаем на с.886, 6–11.; она написана современником, как видно из сохранившихся в списках форм настоящего времени: “такъ есть любѣзливъ” и “аще кого видить”. Совершенно ясно, что всего этого отрывка не могло быть в основной редакции ПВЛ. Но рассматриваемый отрывок находится в прямой связи с дальнейшим отрывком, касающимся похода Святополка против Давыда Игоревича. Тот первый отрывок оканчивается словами: “то иди ты, Святопѣлче, на Давыда, любю ими и, любю прожени. Святопѣлкъ же имѣся по се. И целоваша крѣсть межю собою, миръ сътворише” (886,16–19); второй отрывок начинается так: “Святопѣлку же обещавшюся се сътворити и прогнати Давыда, поиде къ Берестию къ Ляхомъ” (891, 14–15). Слова “обещавшюся се сътворити” показывают, что некогда второй отрывок читался непосредственно за первым. Но, не видя основания приписывать авторству Сильвестра также и второй отрывок, я думаю, что в основной редакции повествовалось о данном Святополку сошедшимися князьями поручении и об исполнении этого поручения: Сильвестр, составляя первый из указанных отрывков, воспользовался приведенным сообщением основной редакции (о поручении, данном Святополку) и засим для второго отрывка использовал опять текст основной редакции. Таким образом, в статье 6605 г. различаем трех авторов: 878,12 — 883,17 принадлежит Василию; 883,18 — 886,14 принадлежит Сильвестру; 886,15–19 принадлежит Нестору; 886,20 — 891,13 принадлежит Василию; 891,14 — 892,13 принадлежит Нестору; 892,14 — 896,9 принадлежит Василию»¹¹.

Из наблюдений А. А. Шахматова видно как замысловато переплетаются тексты Сильвестра и Василия, каких-либо ярких литературных отличий у этих авторов нет, только географическое указание на Галицкую землю или Киевскую позволяют огнести тот или иной текст к этим двум авторам.

М. Д. Присёлков в своей характеристике творчества Василия следовал в основном за наблюдениями А. А. Шахматова, в чем-то дополняя и уточняя их.

Перечислю основные его положения: Сильвестр вставил в летописный текст рассказ Василия, при этом частично исправив; Василий излагал события

¹¹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. С. 550–551. — Цифры в цитируемом отрывке обозначают разбивку А. А. Шахматовым текста ПВЛ на фрагменты.

не руководствуясь погодным изложением, часто используя оборот «а на второе лето»; Василий знал текст ПВЛ; Василий и Сильвестр неоднократно встречались; Василий писал свой рассказ между 1113–1116 гг.; одним из источников Василия при описании сражения с венграми в 1103 г. была половецкая песня¹².

М. Х. Алешковский отводит Василию значительную роль в создании текста ПВЛ, а Сильвестра считает лишь переписчиком. Вот как он характеризует работу Василия как редактора ПВЛ: «Внимательный читатель Хроники Амартола, наблюдательный путешественник, поклонник Мономаха и Рима, чуткий собеседник Василька Ростиславича и Мстислава Владимировича»¹³.

С. М. Михеев, напротив, именно игумена Сильстра считает автором ПВЛ, не отрицая возможного участия Василия в летописной работе, — «был автором анналов 1090-х — 1110-х годов»¹⁴.

Если подвести итог краткому историографическому обзору, посвященному Сильвестру и Василию, то получается следующая картина: оба автора работали в одно и то же время, оба своим источником имели ПВЛ, оба представляли интересы княжеской ветви Всеволода-Владимира, оба сообщают свое имя в летописи. Тексты этих двух авторов иногда перешлепываются в почти нерасторжимое целое, по мнению одних исследователей текст Василия полностью поглощает текст Сильвестра, а по мнению других текст Сильвестра почти полностью поглощает работу Василия. Естественно возникает предположение: перед нами работа одного и тоже человека, известного нам под двумя именами.

Возьмем это предположение как рабочий вариант и попробуем его подкрепить другими аргументами. Делать это, конечно, весьма трудно, т.к. нет четкости в том, что принадлежит перу того или другого автора в рамках текста ПВЛ. Введем ограничения авторского текста Сильвестра и Василия. К последнему отнесем рассказ о событиях 1097 г., а к Сильвестру тексты двух легенд об апостоле Андрее и призвании варягов во главе с князем Рюриком (далее буду называть её легендой о князе Рюрике). Необходимо пояснить, почему эти легенды принадлежат перу Сильвестра. Легенда об апостоле Андрее появилась в древнерусской литературе не сразу, первоначально считалось, что на русской земле апостолов не было (митрополит Иларион, монах Нестор). Только после создания ПВЛ (т.е. после 1113 г.) легенда об апостоле Андрее была вставлена в летопись игуменом Сильвестром. До 1113 г. в летописи также не было известий о князе Рюрике, о чем говорит перечень русских князей, помещенный под 6360 (852) г., где первым князем указан Олег, а перечень заканчивается князем Святополком (умер в 1113 г.). Отсутствие в этом перечне князя Рюрика неслучайно, т.к. в своих произведениях его не упоминают ни митрополит Иларион, ни монах Нестор, когда говорят о начале русской истории. Напомню, основой источниковедческого анализа известий русской летописи является восстановление истории текста того или иного летописного памятника (руководство к этому — все исследование А. А. Шахматова). Восстанавливая историю текста, мы тем самым получаем воз-

¹² *Присёлков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 284–289.

¹³ *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. М., 1971. С. 49. — Творчеству Василия посвящена небольшая главка работы — «Редактор Василий. Вставки, пропуски, перемещения текста».

¹⁴ *Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 31, 156.

возможность решать главный вопрос: на каком этапе летописной работы было включено или вписано то или иное известие. Дело в том, что каждый летописец не только продолжал работу своего предшественника, но и активно дополнял, исправлял и уточнял весь текст, созданный до него. Выяснив время включения того или иного известия, мы находим правильную временную точку для осмысления данного известия. Даже в специальной литературе бытует архаичное представление: в летописи написано, значит, так и было. Длительный анализ известий русских летописей давно показал, что всё обстоит во много раз сложнее, чем нам бы хотелось.

Объем сопоставляемых текстов неравнозначен, очень небольшие тексты легенд и подробный рассказ очевидца событий 1097 г. Но даже при таких неблагоприятных условиях результат получается следующий. Начнем сопоставление текстов с самого элементарного и самого слабого аргумента — лингвистического. Благодаря работе О. В. Творогова, очень быстро можно выяснить, что слово «рамяно» в рамках ПВЛ встречается дважды: первый раз в легенде об апостоле Андрее, второй — в рассказе 1097 г.¹⁵ Для корректности отмечу, что это слово ещё один раз встречается в тексте ПВЛ, но несколько в другом варианте написания — «рамено». Итак, употребление слова «рамяно» характерно как для Сильвестра, так и для Василия. Нечто подобное получается и со словом «наряд» — «нарядити», но в более усложненном виде. Василий — мастер живого рассказа, прямая речь его персонажей вводит нас, читателей, в описываемые события. Напомню, апостол Андрей дважды говорит в небольшом по объему тексте легенды. Но самое любопытное заключается в том, что прямая речь используется Василием в несколько непривычном виде, когда говорит не конкретный человек, а народ. Поясню на примере: под 1097 г. киевляне говорят князю Святополку: «И реше боляре и людье: “Тобе, княже, достоить блюсти головы свое...”»¹⁶. Говорит народ и у Сильвестра в известии о призвании варягов под 6370 (862) г.: «Реша Русь, Чюдь, Словене, и Кривичи: “Вся земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ...”»¹⁷. Один и то же литературный прием использует как игумен Сильвестр, так и Василий.

Все исследователи, характеризуя рассказ о событиях 1097 г., отмечают позицию его автора-Василия — он отстаивает интересы Владимира Мономаха. В легендах об апостоле Андрее и призвании варягов такая позиция просматривается частично: культ апостола Андрея появляется на Руси только при отце Владимира князе Всеволоде (крестное имя Андрей), в Переяславле Южном строится церковь в честь апостола, а при его княжении в Киеве строится монастырь апостола Андрея. В известиях о князе Рюрике и призвании варягов авторская позиция не видна. Но это только на первый взгляд. Попробуем разобраться с этим вопросом более подробно. Итак, только при правлении князя Владимира в Киеве (1113–1125 гг.) в русской летописи появляется известие о князе Рюрике (862 г.). Перед нами явление известное в генеалогической литературе как родословная легенда, когда информация о родоначальнике фиксируется в письмен-

¹⁵ Творогов О. В. Лексический состав «Повести временных лет». (Словоуказатели и частотный словарь). Киев, 1984. С. 124.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 259–260.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19–20.

ном источнике спустя несколько столетий после предполагаемого времени жизни этого родоначальника. Почти для всех генеалогических легенд характерно полное отсутствие данных о реальности того или иного родоначальника. В основе любой родословной легенды лежит вымысел, порожденный фантазией её автора. Фантазия автора родословной легенды может оттолкнуться от самого поверхностного созвучия двух слов. Так поступил автор родословной легенды о происхождении фамилии Римских-Корсаковых — митрополит Игнатий в XVII в., положивший в её основу созвучие двух слов — Корсаковы и Корсика¹⁸. Истоки фантазии авторов родословных легенд разнообразны, но причина появления любой легенды всегда одна — актуальность её для времени её создания.

Об истоках родословной легенды Рюриковичей мне уже приходилось писать¹⁹. Кратко изложу ход исследования. Первый реальный русский князь, носивший имя Рюрика, упоминается в русских летописях под 6594 (1086) г., он был внуком князя Ярослава Мудрого. Всего за всю историю древнерусского государства только два князя были названы Рюриками в честь родоначальника, один в XI в., а другой в XII в. Оба реальных Рюрика представляют одну княжескую ветвь, она берет начало от второго брака князя Ярослава Мудрого с дочерью шведского «короля» Ингигердой, первый реальный Рюрик — потомок Владимира Ярославича, второй — Всеволода Ярославича. Ни в какой другой княжеской ветви никогда не называли Рюриками своих сыновей. Первый русский Рюрик предположительно был назван в честь деда Ингигерды конунга (Р)ёрика, который жил в X в., но никак не в IX в. Автор легенд об апостоле Андрее и о князя Рюрике в 6622 (1114) г. совершил путешествие из Киева в Новгород и Ладогу. Это путешествие дало ему разнообразный материал при написании легенд, например, свое удивление при созерцании новгородских бань он вложил в уста апостола. В Ладоге он услышал несколько легендарных рассказов, один из которых помещен под этим годом, а другой, на мой взгляд, был положен в основание легенды о призвании варягов во главе с князем Рюриком. Хотел бы подчеркнуть, что никогда апостол Андрей не путешествовал по Русской земле, всё это плод фантазии игумена Сильвестра. Реальностью в этой легенде является возможность пройти водным путем из Ладоги вокруг Европы, а через Средиземное и Черное моря достичь по Днепру Киева, а из него подняться в Новгород. Фантастичность путешествия апостола Андрея говорит о безграничной смелости автора легенды, основанной на весьма поверхностных знаниях. Такая буйная фантазия в одном случае подразумевает такую же буйность и в другом, когда он ради интересов князя Владимира Мономаха вписал в русскую историю князя Рюрика как старейшего среди всех русских князей. Из вышеизложенного видно, что основа для родословной легенды у Сильвестра была весьма добротная и разнообразная.

Теперь обратимся к самому главному при характеристике родословной легенды, к причине или поводу её появления. События в Киеве после смерти князя Святополка в 1113 г. более чем драматичны: восстание киевлян, убийство Путяты и как венец — силовой захват власти князем Владимиром. В нарушение

¹⁸ *Игнатий (Римский-Корсаков), митр.* Генеалогия явленной от сотворения мира фамилии... Корсаков-Римский. М., 1994. С. 32, 96–98.

¹⁹ *Зиборов В. К.* Романовы и Рюриковичи (о родословной легенде Рюриковичей) // Дом Романовых в истории России: сб. ст. СПб., 1995. С. 47–54.

многовековой традиции старейшинства или старшинства князь Владимир не по праву занял киевский стол. О какой традиции идет речь?

Старший в роду — главный судья в родословных спорах, старший в роду занимает самое престижное княжение, традиция почитания старшего в роду складывалась столетиями. В русской истории на протяжении многих веков приемником правителя, будь то великий князь, царь или император, становился старший сын, Эту традицию в доме немецких Романовых восстановил император Павел, и она сохранялась до конца империи. Традиция старейшинства, старшинства характерна для всех времен и народов. В нашей истории в период древнерусского государства традиция старшинства имела свои особенности. Поясню на примере того, как замещался киевский стол сыновьями князя Ярослава Мудрого. Киевский стол имел право занять старший в роду, в данном случае старший сын князя Ярослава. Так и произошло, киевским князем стал Изяслав. После его смерти киевский стол занял князь Святослав, а после его смерти — единственный из оставшихся в живых сыновей Ярослава от брака с Ингигердой, Всеволод. У князя Всеволода был старший брат князь Владимир. Судя по известиям летописей 40-х гг. XI в. князь Ярослав Мудрый видел в лице этого сына достойного преемника, но ранняя смерть князя Владимира пресекла подобную возможность. Но самое главное заключается в том, что дети князя Владимира из-за его ранней смерти, не позволившей ему сесть на киевский стол, лишились права занимать его. Они становились изгоями по отношению к праву занимать главный стол среди русских княжеств, хотя они с точки зрения старшинства занимали более высокое место, чем потомки князя Всеволода. Когда умерли все сыновья князя Ярослава Мудрого, киевский стол должен был занять, и занял его, старший сын князя Изяслава — Святополк. После него должен был сесть на киевский стол старший сын князя Святослава — князь Давыд Черниговский, а в случае его смерти князь Олег, его младший брат. Но они из-за решительных и бесправных действий князя Владимира Мономаха так и не сидели на киевском столе.

Именно этот поступок князя Владимира Мономаха, нарушивший традицию замещения киевского стола и многовековую традицию старшинства в княжеском роду, и послужил поводом к созданию родословной легенды о Рюрикe. Смысл легенды простой — обоснование старшинства княжеской ветви, ведущей свое начало от брака князя Ярослава с Ингигердой, по отношению к остальным ветвям. Неслучайно в статье 6370 (862) г. князь Рюрик назван старейшим²⁰. Князья — современники князя Владимира Мономаха, даже если они и знали о существовании этой легенды, не восприняли её всерьёз, об этом говорит практика замещения киевского стола после смерти князя Владимира. Напомню, более старшие в роду дети князя Святослава Давыд (умер в 1125 г.) и Олег (умер в 1115 г.) из-за захвата киевского стола князем Владимиром на этом столе при жизни не сидели, следовательно, их потомки по правилам замещения этого стола не могли претендовать на киевское княжение. Но вся последующая политическая история XII в., достаточно подробно описанная в русских летописях, говорит о том, что потомки князей Давыда и Олега занимали киевский стол наравне с потомками князя Владимира, т.е. княжеская ветвь Святославичей не потеряла

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14.

своего права старшинства из-за неправового поступка Мономаха. Наглядно и весьма быстро можно установить, кто из потомков князя Давыда Святославича сидел на киевском столе, если обратиться к генеалогическим таблицам Н. М. Баумгартена²¹. Например, сын Давыда князь Изяслав сидел на киевском столе (умер в 1161 г.). Сын князя Олега Святославича Всеволод также занимал киевский стол (умер в 1146 г.). И далее во всех последующих поколениях потомки второго сына Ярослава Мудрого князя Святослава, чьей вотчиной традиционно был Чернигов, занимали киевский стол. Последний из них — князь Михаил, святой Русской церкви (умер в 1246 г.). Не отразилась узурпация власти князем Владимиром Мономахом и на его потомках, они продолжали оставаться в традиционной системе старшинства при замещении киевского стола²². Подтверждением действенности этой системы, правда, в отрицательном её варианте, является судьба потомков киевского князя Святополка (умер в 1113 г.). Они потеряли право на киевский стол из-за ранней смерти его сына князя Ярослава в 1123 г. (напомню, князь Владимир Мономах сидел в Киеве до 1125 г.).

Если современники созданной легенды о призвании варягов во главе с князем Рюриком отнеслись к ней безразлично, то в истории нашего государства эта легенда всегда воспринималась очень серьезно. Для правителей северо-восточной Руси, сначала Владимирского княжества, а потом и Московского, эта легенда являла собой славное прошлое, никаких сомнений в её подлинности и не могло возникнуть у князей, чья родословная начиналась от князя Владимира Мономаха. Постепенно сформировалось понятие Рюриковичи, в своей лаконичности вобравшее в себя огромный пласт русской истории. И среди наших современников есть «Рюриковичи». Для историков эта легенда стала предметом многовекового спора об истоках русской государственности. Спор этот, как писали летописцы, продолжается «и до сего дня». В перспективе многовекового бытия легенды становится понятным уникальность творчества её создателя игумена Сильвестра. Его воображением и его литературным мастерством было не только возвышено значение княжеской ветви Владимира Мономаха и его предков, но и создан грандиозный интеллектуальный и идеологический памятник в истории России.

Две легенды, созданные игуменом Сильвестром, легенда об апостоле Андрее и легенда о призвании варягов во главе с князем Рюриком являют собой великолепный пример значения фантазии и вымысла в истории, как русского народа, так и всего человечества в целом. Фантазия, воплощенная и тем самым закрепленная в литературном произведении, получает такую степень прочности, с которой не может сравниться ни один предмет материального мира: основываются и исчезают города, сменяются десятки поколений, над страной пронесутся волны нашествий и разрушений, меняются правители, а фантазия игумена Сильвестра стоит незлыблемо на просторах русского самосознания. Напомню, восстановлен высший орден Российской империи — орден Андрея Первозванного, у истоков которого лежит легенда о пребывании на Русской земле апостола Андрея, символом российского флота является Андреевский флаг.

²¹ *Baumgarten N. Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X au XIII siècle. Roma, 1928. P. 18–19. Табл. 4.*

²² *Baumgarten N. Genealogies et mariages occidentaux... P. 22–23. Табл. 5.*

Таким образом, игумен Сильвестр в своих легендах также активно отстаивал интересы князя Владимира Мономаха, как их отстаивал поп Василий в рассказе 1097 г.

Всё вышеизложенное подводит к умозаключению: игумен Сильвестр и поп Василий одно и то же лицо. Но тогда как объяснить то, что они в летописном тексте упоминаются под разными именами? Ответ достаточно незамысловат и короток: игумен Сильвестр, описывая события 1097 г., назвал свое мирское имя (крестильное), т.к. во время описываемых событий он не был монахом Сильвестром, а был священником Василием. До того как Василий принял монашество в киевском Выдубицком монастыре его жизнь была связана с Галицко-волинской землей. Смена имени при пострижении в монахи обязательна. Возникает одно возражение. При смене мирского имени на монашеское очень часто сохранялась первая буква мирского имени, например, в миру был Савва, а в монашестве получил имя Спиридон. Да, существовала такая традиция при смене имен, но она не была общепринятой во всех случаях. Есть возможность преодолеть и это несоответствие традиции. ЛЛ сохранила известие, отсутствующее в ИЛ, о дне поставления игумена Сильвестра в епископы Переяславские. Под 6626 (1118) г. в ЛЛ читаем: «В то же лето преставися епископъ блаженный Переяславскыи Лазарь месяца сентября в 16 день, и поставиша в него место Силивестра месяца генваря в 1 день»²³. Как видим, после смерти предшественника на Переяславской кафедре прошло несколько месяцев до поставления нового. А днем поставления было выбрано 1 января. В этот день отмечается память святителя Василия Великого, епископа Каппадокийского²⁴. Думаю, неслучайно игумен Сильвестр выбрал этот день для своего поставления в епископы, день своего ангела хранителя — святого Василия. День памяти святителя Сильвестра, папы Римского отмечается 2 января²⁵. Предполагаю, что опять же не случайность в близости дней памяти двух святых, имевших отношение к Василию-Сильвестру. Всмотревшись пристальней в имена Василия и Сильвестра, мы увидим, что три буквы имен одинаковы «сил», а если взять другое написание имени — Силивестр (такое написание в тексте ЛЛ), то букв будет больше — «сили». Опять случайность! Количество случайностей так велико, что за ними явно стоит символическое восприятие мира искренне верующим христианином.

Наблюдения над именами Василий и Сильвестр имеют значение прежде всего на фоне анализа летописных текстов, политических событий тех лет, только тогда эти наблюдения получают силу пусть незначительных, но все-таки весомых аргументов в пользу главного положения данной статьи: игумен Сильвестр и поп Василий — одно лицо.

Источники и литература:

1. *Алешковский М. Х.* Повесть временных лет. М., 1971.
2. *Игнатий (Римский-Корсаков), митр.* Генеалогия явленной от сотворения мира фамилии... Корсаков-Римский. М., 1994.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 291.

²⁴ *Лосева О. В.* Русские месяцесловы. М., 2001. С. 237–238.

²⁵ *Лосева О. В.* Русские месяцесловы. С. 238.

3. *Зиборов В. К.* Романовы и Рюриковичи (о родословной легенде Рюриковичей) // Сб.: Дом Романовых в истории России. СПб., 1995.
4. ПСРЛ. Т. 2 / Ипатьевская летопись. М., 1998.
5. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. М., 1989.
6. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.;Л., 1947.
7. *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
8. ПСРЛ. Т. 1 / Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Изд. 2. Л., 1926.
9. *Михеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
10. *Присёлков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
11. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
12. *Творогов О. В.* Лексический состав «Повести временных лет» (Словоуказатели и частотный словник). Киев, 1984.
13. *Хрущов И. П.* Сказание о Васильке Ростиславиче // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 1. Киев, 1879.
14. *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Предисловие // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т.1. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003.
15. *Шахматов А. А.* Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова Летопись // *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003.
16. *Vaumgarten N.* Genealogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X au XIII siècle. Roma, 1928.